

ЭДУАРД ВЕРКИН

ПЕПЕЛ

АННЫ

Эдуард Веркин
Пепел Анны

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Веркин Э. Н.

Пепел Анны / Э. Н. Веркин — «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-699-77375-6

Эдуард Веркин – один из ярких современных российских авторов, лауреат престижных литературных премий, настоящий наследник традиций Чехова, Платонова, Лема, братьев Стругацких, Дика, Брэдбери. В 2012 году роман Веркина «Друг-апрель» был включен в список выдающихся книг мира «Белые вороны», составляемый Мюнхенской международной детской библиотекой. В своих книгах Э. Веркин с необыкновенным вниманием к мелочам показывает становление личности, переживание героями первой любви, упрямую борьбу с обстоятельствами и «непреложными законами», абсурдность и хрупкость жизни. Он говорит с читателем на своем, уникальном, узнаваемом языке. «Пепел Анны» – книга для мятущихся душ, для всех, кого терзают вопросы, кто думает о выборе и знает, что прежде чем родится новый мир, должен осесть пепел старого. Роман не обманет ожидания как поклонников писателя, так и читателей, открывающих для себя мир произведений Веркина впервые.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-77375-6

© Веркин Э. Н., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	24
Глава 4	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Эдуард Веркин

Пепел Анны

Роман

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Веркин Э., 2019

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2019

Глава 1

Западный угол

Ошибка была допущена еще в терминале, а все сикх. Сикх напоминал Вагайцева даже вблизи. Мы ждали, сикх прошел мимо, спортивная сумка через плечо, перекосясь от тяжести, жилы на шее вылупились, видно, что трус. Вагайцев тоже трус, хотя и наглый, а когда сильно трусит, глаза сильнее выпучивает и приплясывает левой ногой.

– Твой знакомый? – спросила мама.

– Не. Какой-то сикх.

Сикх оглянулся, посмотрел на меня с опаской и отчего-то с укоризной. Тут я и зевнул.

– На Вагайцева похож, – сказал я. – У нас в классе такой, помнишь, я рассказывал? Он подавился чипсами, и ему вызывали «Скорую».

– Нет, не помню... – рассеянно сказала мама. – Но... – Она поглядела в спину удаляющегося сикха. – Не знаю, как на этого Вагайцева, он на...

Глаза у мамы сложились в хищные уголки. Приступ, однако.

– Не, на Вагайцева не похож, – попытался сбить я.

– Нет-нет, погоди...

Филология головного мозга в запущенной стадии. У моей мамы. Мы с отцом привыкли и обычно проявляем осторожность – стараемся не цеплять, не провоцировать, во всем соглашаться, но иногда оно само. Мама – ураган в консервной банке, стоит приоткрыть... не стоит.

Book attack.

Я честно попытался перевести стрелки еще раз, поздно, мама уже понеслась.

– Все люди утомительно похожи, – сказала мама с легким отвращением. – Можно по пальцам рук... – Мама поглядела на пальцы, стряхнула крошку с указательного. – Посчитать и разобрать.

– Все разные, – возразил я без особой надежды. – Непохожие.

Поздно.

– Все одинаковые и похожие, как тостеры, ты сам это прекрасно знаешь, – мама поднялась с дырчатой скамейки и пошла к футбольному автомату. – Впрочем, любой мало-мальски квалифицированный читатель это знает...

Когда у мамы Book attack, она крайне обидчива и злопамятна, так что лучше переждать, не спорить, это надежнее. Я поспешил к автомату за ней.

– Какой китч. – Мама поморщилась, оценивая ассортимент. – Впрочем, все к этому и катилось...

А мне такое нравится, я такое как раз и люблю.

Капитан Маринеско недрогнувшей рукой торпедирует исполненного щупальцами Дагона.

Конструктор Королев бестрепетным бластером ввергает в небуль нацистского киборга фон Брауна.

Немирович-Данченко в красных шароварах наставляет в летных доблестях крыло боевых валькирий. Серебряный век, ничего не поделаешь.

И другое такое же.

– Это, конечно, ужасно... – Мама разглядывала футболки. – Редкая безвкусица... Окончание времен так остро чувствуется, постмодерн как норма... Но оригинальный сувенир, пожалуй... Она, в принципе, любит Платонова...

Печальный писатель Платонов точит топор.

Печальный писатель Платонов точит топор.

Мускулатура сильно гипертрофирована. Особенно предплечья. Особенно пронаторы. Особенно остро конец времени чувствуется возле футбольных автоматов. А Че нет. Обычно в футбольных автоматах всегда продают Че, Троцкого, Ким Чен Ына. Троцкий и Ким имелись – первый заведовал лавкой туристического снаряжения, второй – страусиной фермой. Че нет, видимо, разобрали.

– Все одинаковое, – повторила мама. – Люди одинаковые, герои одинаковые, все одинаковые. Глобализм...

Мама выбирала футболки.

Сам виноват.

Мама остановилась на Платонове. Она скормила автомату купюру, тот выдал прессованную упаковку.

– Впрочем, тут ничего удивительного нет. Я к тому, что все одинаковые, да?

Она поглядела на меня в поисках подтверждения, и я должен был подтвердить чем-то из классики. Но я в тот день не поспевал, пить мне хотелось, кора подсохла.

– Сим, Хам, Яфет, – подсказала мне мама.

– Да-да, – кивнул я. – А как же.

– С тех пор не придумали ничего оригинального, – мама вздохнула. – Да, видимо, и невозможно...

И немедленно рассказала.

Что новых людей у меня для вас нет.

Что видовое разнообразие – удел мушек-дрозофил.

Что ей так приятно в очкастом соседе, выгуливающим по утрам обрызгшего русского терьера, узнавать Петра Безухова.

Book attack.

И да, литература есть отображение одновременно уникальности и стандартности жизни.

Book attack.

Тут я зверски заскучал, а мама поймала меня за руку и сжимала в соответствии с практиками тактильных мнемотехник – для того, чтобы я запоминал самые яркие и парадоксальные мамины мысли, это мне полезно, душа ведь должна кормиться.

– Ты же знаешь, мой научный руководитель...

Ее научный руководитель выводил разновидности человека ровно в соответствии с персонажами романа «Идиот», и это катастрофически верно.

– Вот смотри...

В подтверждение этой катастрофичности мама достала телефон и стала фотографировать окружающих. Рядом с нами вдоль стеклянной стены сидело человек сто жизнерадостных кубинцев, они смеялись, бренчали на гитарах, жевали батоны, некоторые умудрялись сидя пританцовывать. Сделав с десяток снимков, мама принялась их комментировать в духе «Вот посмотри, типичный Фердыщенко!», «Настасья Филипповна а-ля натюрель!», «Рогожин! Рогожин же!». На фото были в основном беспечные негры.

Я соглашался: в конце концов, у Достоевского не написано, что Рогожин не негр с сердитым взглядом.

– Но я лично предпочитаю Марка Твена, – сказала мама.

– Ну да, – сказал я. – Само собой. Я тоже, ты же знаешь.

– Все люди по Твену легко делятся на три основных типа – Сид, Том и Гек. Охранитель, Плут, Революционер. Остальное – детали и сочетания.

– А как же граф Мышкин?

Иногда это помогает. Если лесной пожар маминого вдохновения обдать глупым вопросом, мама скучнеет, гаснет и успокаивается.

Не в этот раз.

– А что Мышкин? Мышкин типичный революционер.

– Он же припадочный, – напомнил я.

– Это нарочно так сделано. Если не ввести ограничение в виде эпилепсии, то он непременно рано или поздно запишется в бомбисты. Собственно, Мышкин – это революционер, которому что-то мешает стать революционером. Это Гек, но без зубов. Ум есть, сила есть, воли нет.

Некуда бежать, паспортный контроль пройден. Сикх с утра – к душевному томлению. Мама обладает чудесным свойством – объяснять все. Впрочем, это у нас наследственное.

– А Великанова? – спросил я. – Она кто?

– Великанова? – мама снисходительно покривилась. – Великанова – это, безусловно, Индеец Джо.

Тут я поперхнулся воздухом и чуть не умер. Мама рассмеялась. Объявили, что пора и на борт знать.

Толпа кубинцев дружно и шумно поднялась и направилась к посадочному рукаву. Мы двинулись за ними. Посадка тянулась и тянулась, мама увлеклась идеей о сходстве Великановой и Индейца Джо и быстро нашла общее не только в повадках, но и во внешности.

– Твоя Великанова выглядит так, будто ее огрели могильной плитой, – рассуждала мама. – Слушай, сыночка, у тебя странные вкусы, меня это настораживает. Ты парень неординарный, но надо границы видеть...

– Это Мефа Поттера огрели могильной плитой, – поправил я. – А Великанова просто сутулится.

– Вот видишь, огрели Поттера, а сутулится она. И ты будешь сутулиться...

Видимо, для того чтобы предотвратить мой грядущий сколиоз, мама постучала мне кулаком в спину.

Я закашлялся, я ее все-таки люблю.

Посадка продолжалась. Кубинцы погрузились все. Пассажиры Мельников, Стромахин и Cruze извоили задержаться на пятнадцать минут, мы с мамой задерживаться не стали, проследовали на свои места по левому борту, устроились, выдохнули, вытянули ноги.

– Смотри-ка!

Мама достала из сумочки конверт, вручила мне. Отель «Кастилья», шестой этаж, номер десять, обведено сердечком, и почему-то Дон Кихот нарисован, носатый, тощий, точно скручен из обожженной проволоки – Кастилья, там жарко. А бумага серая, и уголки давно стерлись, видно, что часто разглядывали и вздыхали.

– Мы с отцом были там! – восторженно шепнула мама. – Восемнадцать лет назад! И теперь он забронировал этот же номер! Как?!

– О, – сказал я.

– Там самое вкусное мороженое.

Кажется, маму немного отпустило.

А Великанова оценила бы, она такое любит. «Всемирная история пошлости» пополнилась блистательным эпизодом, сказала бы Великанова, возьми с антресолей верный фамильный сепаратор.

У отца редакционная квартира на Ведадо, однако он снял нам два номера в гостинице, чтобы все было как раньше, восемнадцать лет назад, когда они с мамой были еще студентами. Короче, быть в Париже, быть влюбленным.

– Там чудесный вид на море, – сообщила мама. – Кажется, что оно кипит. Отец почти в два раза переплатил, представляешь?!

– Здорово, – сказал я.

Тринадцать часов – это долго. Земля для нас вращается против часовой стрелки, аэробус летит навстречу этому вращению, натужно пробираясь через меридианы и встречное движение

воздушных масс, через ветер и облака, и время в аэробусе течет так же медленно, а иногда даже кажется, что откатывается назад, не по часам, на самом деле. На Венере мы бы гораздо быстрее долетели. Нет, на Венере мы бы не долетели, там кислота в атмосфере, нам бы понадобился стеклянный самолет.

– Справа крепость Эль Моро, слева Малекон до горизонта, а?!

Мама, разумеется, утомится, но это не скоро, часа три восторга мне обеспечено. Но хоть не Book attack, отпустило.

Впрочем, Джексонвилл еще впереди, его не облететь. Джексонвилл неминуем.

– Там были самые настоящие тараканы! – Мама мечтательно зажмурилась. – И в ванной с потолка капала вода!

Великанова такое любит. А я нет, я люблю, чтобы без тараканов, но с кондиционером и одноразовыми шлепанцами.

– А зеркало?! Я в него глядеться не могла, боялась, что отразится какой-нибудь Аль Капоне. Да! Да, там отдыхал Аль Капоне! В нашем номере на стене было пять дырок – отец уверял меня, что от револьверных пуль. А я спорила с ним – Миша, говорю, но ведь в револьвере шесть патронов, где шестая дырка? А он пальцем по виску стучит. Вот какой отель – с историей.

Я перевернул конверт с «Кастильей».

На обратной стороне была карта. Справа гавань Баия, слева город. Город похож на процессор, много мелких квадратиков, рассаженных вдоль вытянутых авенид. Все старые города такие, во времена империй и чайных клиперов землю, не морщась, размечали по линейке, отчего кварталы теснились гвардейским парадом, за блоком блок, друг другу в лоб. Кажется, это для улучшения вентиляции. Гавана, названа в честь индейской принцессы, замученной колонизаторами, основана...

Давно.

– Вот он, – мама ткнула пальцем в карту. – Вот тут, в самом центре, недалеко от Капитолия, буквально пять минут. Капитолий, как в Вашингтоне, кстати, грандиозное сооружение...

Хрустнуло, рукав терминала отошел, и самолет, чуть подрагивая, начал пятиться к взлетной полосе. Сам он задом не может, в нос его толкает плоский и тяжелый, похожий на краба, толкач, но его никогда не видно.

– Знаешь, там дверь не закрывалась в номер, – рассказывала мама. – Она разохлась, папка сколько ни толкал, лишь плечо себе намял. Хотели на ресепшн бежать, а потом глядим – у двери молоток. Деревянный молоток на длинной ручке, таким в крикет играли, абсолютно колониальная вещь. Так вот, выяснилось, что им надо забивать дверь, если нет сил ее закрыть вручную. А сама дверь и внутрь, и наружу открывалась, как турникет!

Мама рассмеялась, сикх, сидящий через проход, вздрогнул и посмотрел на нее испуганно. Молодой совсем сикх, как я, лет шестнадцать, в черном сикском тюрбане, с бакенбардами. Интересно, зачем он на Кубу? А так в самолете одни негры. Пол-самолета с дудками, пол-самолета со сломанными носами. Первые музыканты, вторые, вероятно, боксеры, с чемпионата летят наверняка, хотя без Альвареса, он или в бизнесе, или в Москве остался. Его бы я узнал точно.

– Тебе там понравится, – заверила мама. – Больше во всем мире такого не встретишь, даже в Африке уже не то. Только Гавана настоящая, только там! Мороженое...

Самолет дрогнул сильнее. Буксир продолжал толкать лбом шасси.

– Но никакого Варадеро, никакого! – уверенно заявила мама. – Знаешь, на Варадеро одни канадские лесорубы, это все равно что в санатории МЧС отдыхать...

У нее так часто перед взлетом: болтает много и с оптимизмом перегруз. Обычно тыквенные семечки грызет для отпуска, это действует, но сегодня про семечки мама вспомнила на рулежке, а на рулежке их не взять.

А леденцы ей не помогают, их можно грызть, но не то.

– ...Хотя песок там, безусловно, чудесный, никто и не спорит. Это словно и не песок, а истолченный мрамор...

Стюардессы появились и начали рассказывать про запасные выходы и пристегнуть ремни. Сикх два раза перестегивался, проверял.

– ...Он в два раза тяжелее обычного песка, если горсть кинуть в воду, она не образует облачко, а тонет, как дробь...

Сикх явно летать не любит. И я летать не люблю. Из-за самолетов. Меня не укачивает и не растрясает, и в воздушных ямах я не впиваюсь в подлокотники, и сикх через проход меня не раздражает, и пузатая негрятенка с бутербродами и термосом не раздражает, пусть хоть и желтые глаза у нее. Вот самолеты да, в самолетах предательство лучше всего обозначено.

Входишь в самолет, и мир снаружи исчезает. Ступаешь на борт, тебе улыбается чудесная девушка в синей пилотке – вам направо, ты идешь по проходу и ищешь свой 17А, идешь, смотришь в спину мужику в пиджаке с замшей на локтях, а мир снаружи всюду пожирается шипастыми лангольерами, а тебе плевать, ты уже с самолетом.

Самолет, он всегда из завтра.

Самолет, пусть хоть самый замученный и залетанный, пусть хоть Москва – Нижневартовск, это всегда звездолет, просто неслучившийся, просто пока. В каждом моторе, в каждой лопатке турбины ждет своего часа рений, полтора грамма будущего, звездная медь. Пройдет немного времени, каких-то сто лет, может, сто пятьдесят, и веселые будетляне выжгут ее крупницы из турбин «Боингов», «Туполевых» и «Эйрбассов» и скуют из них настоящие моторы, те, что положат к нашим ногам Вселенную.

Я помню про это и каждый раз, пробираясь к месту 17А, немного надеюсь приземлиться не сегодня – рений ведь. Трудно от этого отказаться, и всегда понимаю, что глупо. Но все равно. Летишь в Иркутск и прилетаешь в Иркутск, а хочется всегда на Далекую Радугу.

Хотя это и не надежда вовсе, а так, половинка, осьмушка мечты, ветерок, но эти отзвуки вальса поют в моей голове весь полет, до «наш самолет приступает к снижению». Потом глоссада, моторы становятся глуше, но все равно шанс еще есть. А вот когда под брюхом начинают кругло перекатываться выходящие шасси – все, «мы прибываем в аэропорт назначения». Завтра исчезает, пассажиры включают телефоны и с облегчением рассказывают, что они здесь, обошлось, стюардессы стареют и сутулятся, улыбаться больше не надо, и звездная медь остывает до следующего раза.

– ...Но в шлепанцах по этому песку лучше не ходить, – сказала мама. – Чудовищно натирает между пальцами.

– Да, – согласился я. – Конечно.

Взлетели. Мама стала говорить громче, я понял, что у нее уши. Сикх покосился на нее с испугом. А у меня потом заложит, когда приземлимся. Выше туч, на запад.

– Смотри, мы солнце догоняем! – Мама с энтузиазмом указала в иллюминатор.

Я про это в десятке книжек читал – про гонки с солнцем. И мама мне сама про это уже рассказывала. Раз пять.

– Классно! – восхитился я. – День никогда не закончится!

Мама кивнула. А я испугался, что сейчас она еще про Британскую империю расскажет, над которой никогда не заходило солнце, я это в прошлые разы покорно слушал, восхищался. В четвертый раз восхитишься, и мама заподозрит, что я восторг симулирую, а это совершенно недопустимо. Обидится, если заподозрит. Мама немножко на взводе. Она как раз с Белградской книжной ярмарки, домой заскочить не успела, успела из Внукова в Шереметьево перекинуться. Поэтому у нее сербский гардероб, двадцать сербских книг в сумке и сербское настроение, им она терроризировала меня первые два часа полета, особенно над Финляндией.

– Ты знаешь, что такое «глум»? – спрашивала меня мама.

Я знал, что такое «глум», но подозревал, что ее «глум» сильно отличается значением от моего. Самолет потряхивало.

– А глумица? – не отставала мама. – Ты знаешь, что такое «глумица»?

– Кто не знает...

Мама смеялась и стучала меня по плечу.

– Удивительный язык! Красивейший! Там ко мне прицепился один старый серб с седыми бровями, настоящий Слободан Милошевич, и подарил книжку, глянь-ка! Это его стихи.

Мама всучила мне самодельную сербскую книжку.

– Графомания чистой воды, но зато как звучит! Песня! Вот послушай...

Мама не была дома больше месяца и немного одичала в командировках: до сербской ярмарки она была на финской, до финской на иранской, и там ее полили водой за вольности в дресс-коде, а еще до этого, кажется, на немецкой. Между немецкой, иранской и финской она успевала забегать домой, а вот после сербской нет – сразу на Кубу, не закрывая глаз.

Мама зачитала стихи из книжки. Про ночи над Саввой, про ветер с Дуная.

– Здорово, – сказал я. – Великанова тоже любит по-сербски...

– Твоя Великанова слишком много о себе думает, – перебила мама. – И она, и ты не представляете, как смешно вы выглядите со стороны.

– А кто не смешно?

– Впрочем, в вашем возрасте все такие дураки, – заметила мама. – Ладно, сыночка, отдыхай.

Мама подмигнула засмущавшемуся сикху и стала разбираться с развлекательным центром в спинке кресла.

А кто не дураки?

Мне пока смотреть кино не хотелось, решил поспать, спать всегда лучше в начале полета, так легче. Поспать, Впрочем, долго не удалось, объявили обед, по проходу покатались облезлые и оббитые железные комоды. Эти комоды я не люблю, в звездолетах таких не будет. А стюардессы останутся.

Сикх принялся препираться со стюардессой, что-то ему категорически не нравилось в предложенной курице, он спорил и мотал головой, и требовал подать себе другую.

– Нервничает, – шепотом пояснила мама. – Полет для него большое испытание – если самолет разобьется, то его прах смешается с нашим – и все, душа будет идти к Богу миллион лет. С неясными, причем, перспективами.

– Да не, – сказал я. – Ему белой девушкой хочется покомандовать, когда еще доведется? А тут можно. Все просто.

– Что? – мама притворилась, что не расслышала.

– Месть сикхов, – пояснил я. – Обычное дело.

Мама толкнула меня в бок локтем, во «Всемирной истории пошлости» мигом прибавилось три страницы, Великанова, сможешь ли ты меня забыть?

– Курицу или рыбу? – улыбнулась стюардесса.

Я всегда выбираю курицу.

Мама всегда выбирает рыбу.

Сикх выбрал две курицы и две же съел.

Следующие два часа мама скептически смотрела хмурый шведский детектив, в котором присутствовали омерзительные семейные тайны, убийство несовершеннолетних, заговор, психи, снова заговор, и самыми приличными людьми оказывались престарелые нацисты-энтологи. Впрочем, это мог быть датский детектив. Когда глаза мамы начали стекленеть под напором беспощадного скандинавского трэша, она подложила под голову книжку в мягкой обложке. И уснула. Моя мама легко засыпает лишь с книгой, она повелительница книг с шестнадцати лет, она работает в Книжной палате и состоит в тайной организации истинных книго-

любов, цель которой поработить весь мир. Ложа Гуттенберга. Мама там на хорошем счету. А мне в полетах нравятся облака.

Иногда облака бывают необыкновенно хороши: летишь-летишь через белую пелену, а потом раз – сбоку открывается разрыв, и в нем облачные столбы, похожие на звездные колыбели, я всегда, как такое вижу, вспоминаю про поля Бога. И встречный аэробус над ними больше всего похож на стартрекер.

В этот раз хороших облаков не попадалось, ерунда жидкая, Господь утомился и спал, курица, рыба, так что я стал смотреть кино.

Сикх кино не смотрел, снял кеды. Наверное, действительно нервничал. Рослая кубинка на это посмотрела с неодобрением, но спорить не стала, вытянулась на двух захваченных сиденьях и стала спать. Я в самолетах спать не особо люблю, у меня челюсть отвисает. А потом можно сползти головой к иллюминатору и уснуть виском на стекле, но это довольно опасно – дрожь запросто вползет в голову, и если спать под эту дрожь, то сны могут привидеться самые необычные. Но, видимо, уснул, и повезло – все-таки без снов.

– Джексонвилл!

Я вздрогнул. Мама пыталась смотреть в окно через меня.

– Джексонвилл! – с ожидаемым энтузиазмом повторила мама.

Я поглядел вниз. Джексонвилл состоял в основном из продолин, поперечин и реки темно-синего цвета. Вдоль берега в три ряда белели яхты и лодки, а над ними в воздухе висели разноцветные точки, похожие на драже, сначала не понял, потом догадался – воздушные шары, праздник американского воздухоплавания.

– Один из крупнейших городов США, – сообщила мама. – Красивый город, современный, жемчужина Флориды. Кстати, побратим Джексонвилла – Мурманск.

Как же, как же. Мама была в десятом классе влюблена в мальчика, а он потом с родителями уехал в Джексонвилл, они адвентисты были. Мама мне показывала его на общеклассном фото – широкая челюсть, широкие плечи, раздвоенный подбородок, такому одна дорога – в Джексонвилл. Он потом в армии американской служил и работал на заправке.

Самое смешное – историю про мальчика и Джексонвилл я прочитал в какой-то книжке, удивился, заподозрил, не мама ли эту книжку написала? А что, это вполне, филологи рано или поздно берутся за перо, профдеформации дают о себе знать. А моя мама на тайного писателя вполне смахивает – каждый вечер проводит на диване с ноутбуком, мы-то с отцом думаем, она статьи пишет, а она прозу. Повестушку с названием «Попутный пес» попиливает. Но показать стесняется. А может, и совпадение с Джексонвиллом, жизнь есть совпадения, про это еще... кто-то там умный говорил.

Я снова поглядел влево и вниз. Флорида не понравилась. Самолет шел над северо-востоком, над заселенным американским побережьем. Полуостров был размечен усердными сельскохозяйственными прямоугольниками полей и пожен. Я ожидал зелени, просторных и диких южных болот, населенных зелеными аллигаторами и черными вудуменами, обветшалых рэднековских ферм, хижин в лесу, белых и аккуратных городков библейского пояса, выстроенных в форме креста, с виду тихих, но на самом деле кишящих тайными сатанистами, – Юг, Юг. Но увидел ржавые маисовые поля, дороги, словно прописанные скальпелем, и аккуратные, обложенные бетоном водохранилища. Под нами лежала американская экономическая мощь, остывающая после дня, ждущая дождей и новых посевов, в ней не оставалось уголочка ни Тому, ни тем более Геку.

Мама тоже это увидела и снова не выдержала, стала зачем-то оправдываться за великую американскую литературу, за Фицджеральда и Фолкнера, как она, литература, докатилась до жизни такой и почему все пересмешники в зарослях повыздохли, а всякие психопаты, наоборот, процвели и правят свой отвратительный бал. Мне Фолкнер что, я Кинга уважаю.

Ладно уж, кто виноват? Великанова – Индеец Джо, ха-ха...

Флорида длилась десять минут, потом командир корабля буркнул неразборчивое по-русски, а на испанский переводить вовсе не стал, всем и так все было понятно.

– Майами, – пояснила мама. – Тоже красивый город.

Кварталы, небоскребы с вентиляторами на крышах, белые пляжи и отмели, тающие в глубине. Сикху стало интересно, и он стал выворачивать голову, чтобы хоть уголком глаза разглядеть Майами, но поздно, кончилось Майами. Или кончился. А море с одиннадцати километров выглядело, как всегда, гладким и воспаленным, как кожа над гангреной. Под нами блистал Мексиканский залив, я ожидал здесь увидеть множество кораблей, но их почти не было, я заметил лишь пару мелких остроносых лепестков. Сикх отвернулся и натянул наглазники.

– Между прочим, под нами Бермудский треугольник, – мама указала вниз. – Западная оконечность.

Вот он какой, значит, похожий на гангрену. Наверное, так и должно быть, тут же все время пропадают самолеты и корабли, летят в Тринидад, прилетают в Атлантиду, то Кракен шалит, то Тиамат гадит, Дагон опять же, будь помянут, распростер над Инсмутом свои обширные нечестивые щупальца, где ты, капитан подводной лодки?

– Меньше часа осталось, – сказала мама. – Скоро на месте будем. Знаешь, аэропорт в Гаване похож на кекс. Я, пожалуй, еще посплю немного, толкни потом. А ну-ка.

«...ка иде в биоскоп», толстая книжка в мягкой обложке, сербский улов, мама подложила ее под лоб, перекрыв начало названия, уткнулась в переднее кресло и тут же уснула. Она и дома так спит, без книжки под подушкой никак. Завидно, с книжкой мама может спать хоть сутки.

А мне не спалось.

Сикх. Сикх продолжал не спать под своими наглазниками, тревожился за свой прах.

Интересно, что такое «...ка»? Которая в биоскоп. Наверное, кошка.

Глава 2

Ночь кормления кошек

Выдохнули.

Мы покинули терминал и преодолели горячую полосу между зданием аэропорта и машиной, устроились внутри, в кондиционерной прохладе, вздохнули. Тут мама допустила неосторожность и сообщила водителю, что была здесь восемнадцать лет назад, и в следующие двадцать минут мы узнали все.

Здесь тоска.

Восемнадцать лет тоски, а до этого еще триста лет тоски.

Местным нечего жрать, поэтому они поют, пляшут, окучивают туристов, ненавидят туристов, обожают туристов.

Зарплата двадцать баксов в месяц считается очень высокой.

В центре можно гулять хоть ночью – это безопасно, главное, не разговаривать с местными и делать лицо кирпичом, преступность стремится к нулю, последнее убийство... давным-давно.

Нельзя ничего покупать с рук – впарят фуфло.

Нельзя ничего покупать с рук съестного – легко отравиться.

Ни в коем случае нельзя есть тростниковый сахар и пить тростниковый сок – все это кишит глистами.

Лучше всего вообще ничего не покупать, никаких хороших товаров, кроме рома, сигар и кофе, тут нет, а ром, кофе и сигары брать стоит фабричные по фиксированным ценам.

Народ драпает.

– До сих пор?! – удивилась мама.

Еще больше, чем раньше. Ходят слухи, что Америка скоро снимет блокаду и перестанет платить беженцам пособие, так что все стараются выбрать свободу сейчас-сейчас. Здесь тоска. Но пацана лучше одного с поводка не спускать, Остров свободы, сами понимаете, мало ли...

В этом месте водитель обернулся и подмигнул мне.

– У меня Великанова есть, – сказал я.

– Ты со своей Великановой... – мама скептически покачала головой, – влипнешь еще, поверь мне, опытной женщине, у нее руки, как копыта.

Водитель понимающе засмеялся и сказал, что он учился с девушкой, так у нее и ноги, как копыта, были, и ее тоже звали Великановой. Насчет копыт мама клевещет, совсем и не так, обычные крупные руки.

Водитель отсмеялся и продолжил кубинское, про Интернет.

Интернета тут еще меньше, чем вареной колбасы, которая по талонам и надо сильно знать места. Тут есть один известный художник, он меценат и филантроп, за свой счет раздает вай-фай вокруг своего дома. Иногда возле гостиниц еще получается зацепиться. А еще можно ловить на скамейках, говорят, в старом городе есть скамейки, на которых каждый вечер можно поймать свободный Интернет, называется «пятки Рауля».

– Почему «пятки Рауля»? – поинтересовался я.

По словам водителя, Рауль Кастро любит погожим вечером выйти погулять, по-простому, в гражданском платье, с сигарой и бюджетным смартфоном. Он идет по старому городу, останавливается в кофейнях, слушает музыку, отдыхает на скамейках, где проверяет почту и погоду. Поэтому вокруг всех скамеек по возможному пути Рауля сотрудники спецслужб, вооруженные полевыми вай-фай-раздатчиками, создают интернет-облако. Так что, если повезет, можно найти такую скамейку до или такую скамейку после.

Мама тут же спросила, неужели его не узнают. Еще как узнают, ответил водитель, но не верят, что это настоящий Рауль, думают, двойник. Тут полно двойников, за десять куков можешь хоть с Че сфоткаться, хоть с Сьенфуэгосом.

Мне история понравилась. Про заветную скамейку. Но водитель тут же все испортил и рассказал про еще более заветный холодильник. Чтобы скопить на холодильник, обычная кубинская семья тратит десять лет, и это если очень сильно экономить. Водителю явно приятно было это рассказывать, он то и дело усмехался и с сожалением покачивал головой, немного сокрушаясь об участи местных.

Мама же отметила, что время не стоит на месте, ветер перемен проникает в самые дальние закоулки мира, десять лет – это прорыв, когда она была на Кубе в последний раз, что такое холодильник, тут не знали вовсе.

Да, согласился водитель, времена меняются, двери приоткрываются, америкосы сюда как домой летают, да и эмигранты показываться начали. То есть не просто показываться, а много их.

– Ветер перемен, – сказал водитель. – «Роллинги» приезжали, представляете?

Мама скептически пожала плечами.

Я думал, она расскажет, но нет, не рассказала. Как она родилась и училась в Нарьян-Маре, и любила группу «Бэд Бойз Блю», и держала на стене ее плакат, и безнадежно мечтала попасть на концерт. И не прошло и двадцати лет с детства, как группа «Бэд Бойз Блю» дала концерт в Нарьян-Маре, правда, сама мама в это время уже перебралась в Москву и любила не европоп, а Кшиштофа Пендерецкого.

– Да, «Роллинги» приезжали. Я сам там был, на стадионе, туда вся Гавана заявила! – водитель оглянулся. – Все меняется, конечно...

Водитель снизил скорость, прибрался ближе к обочине и стал смотреть вправо, вытянув шею. Я ничего примечательного там не видел, кроме зелени и столбов, возможно, это были особые столбы.

– Все меняется, – повторил водитель.

И тут же поведал, что у него есть одна знакомая кубинка, она сама живет в Мирамаре, но у ее брата квартира в старом городе, и, если нам интересно, он может устроить, ну, посмотреть.

Мама закашлялась.

– В каком смысле – интересно? Что посмотреть?

– Жизнь. Я к тому, что все это очень интересно. Не пляжи, не касы съемные, а настоящее, где люди живут.

Это познавательно, сказал водитель. И популярно. Многие нарочно из Варадеро приезжают, чтобы пожить денек по-кубински, у этой его знакомой кубинки квартира на полгода вперед расписана, и недорого, но один японец отказался.

– Нет, спасибо, – отказалась мама. – У нас все рассчитано, каждый день...

Это вранье.

– А я бы посмотрел, – сказал я. – Это мне для проекта будет полезно.

– Для какого еще проекта?

– Нам на лето задали...

Я тут же наврал про проект «Унылая десятка»: нам с Великановой предложили на выбор – строить муравьиную ферму, делать сварочный аппарат или описать десять самых необычных мест, в которых мы побывали за лето. Я выступал за сварочный аппарат, Великанова – за муравьиную ферму, так что пришлось выбрать «Десятку». Великанова описала поход в передвижной серпентарий «Нагайна» и поездку на фестиваль театров теней в Тверь, я отставал, успев рассказать лишь о соседском балконе, сфотографированном с помощью селфи-палки.

Поэтому от визита в настоящую кубинскую квартиру я бы не отказался, напротив, это моя мечта с четвертого класса...

Тут водитель просигналил, и мы приехали. Почти в сумерках.

Я выбрался из минивэна, откуда-то сбоку выскочил отец, он принялся обнимать нас, смеяться, смеяться, потянул нас в гостиницу, мы преодолели горячую полосу вечернего города без кондиционеров, зарегистрировались, посмеялись, и через пятнадцать минут я оказался в своем номере, там было холодно. В потолке гудел кондиционер, а никаких пулевых дыр в стенах не нашлось, наверное, запломбировали. Плетеное кресло, телевизор вполне себе плазма, зеркало. Гостиница как гостиница, молотка для забивания двери не нашлось, и я был немного разочарован. Ладно, жить мне здесь долго, стану здесь думать.

Вряд ли здесь еще что-то можно делать, только думать. Придумывать. В отеле бассейн, у меня есть три недели, буду сидеть в бассейне, буду о чем-нибудь думать. Или не думать.

Вообще, у меня не было особых планов на лето, с Гаваной так вдруг получилось. Сам я не люблю жару, я не люблю гостиницы, я не люблю историю и исторические города, если выбирать, я бы в Дублин, там прохладнее, хотя та же скука. Но с родителями выгоднее не спорить, напротив, надо дать им возможность побыть мудрыми и педагогичными, это усыпляет бдительность. Они хотели в Гавану, пусть Гавана, наверняка здесь есть все для сидения в бассейне.

Я вытряхнул рюкзак на постель, отгреб носки направо, футболки налево, по центру оставил телефоны и зарядки. В дверь постучали. Отец.

– Выходи гулять, – сказал он.

– Куда гулять, едва прилетели...

– Гулять-гулять, – отец был настроен решительно. – Гавану нужно получать в первый же вечер в лоб, как пулю, никак иначе. Умывайся – и вперед, у тебя десять минут.

– Темно же... – Я попытался сопротивляться.

– Еще восьми нет, – отмахнулся отец. – Самое время.

– Мы полдня в небе болтались...

Но отец был неумолим.

– Десять минут. Ждем тебя внизу.

За десять минут я успел.

Холл гостиницы «Кастилья» был обширен и выполнен в колониальном стиле. Здесь имелся широкий атриум с фонтаном, конные скульптуры прежних героев, каменные лавки, бар, эстрада, скамейки, пальмы, диваны, на стенах много фотографий, в основном мафиозного вида мужчины в белых костюмах былой славы.

Я выбрал свободный диван, уселся. Идти получать Гавану, как пулю, не очень-то хотелось, хотелось холодной воды и вытянуться на кровати, не уснуть, так поваляться. Но, видимо, уклониться не получится, печаль. Вот Великановой такое безобразие понравилось бы, Великанова сторонница выхода из зоны комфорта, чем чаще человек сидит на приставных табуретках в междугородных автобусах, тем ближе ему Царствие Небесное.

Я немного подумал о Царствии Небесном, и тут же ко мне под села мама.

– Что ты такой мрачный-то?! – спросила мама. – Не будь таким букой-буклой! Каникулы же! Гавана – прекрасный город!

К ней вернулся самолетный оптимизм, но мне теперь проще – теперь он на отца обрушится, а ему не привыкать. К тому же сам он пессимист, его внутренний Иа обычно с запасом дезинтегрирует мамино внутреннее Пятачка, мой внутренний Гек проплывает мимо бойни на плоту.

– Не, нормально, – сказал я. – Я давно хотел Гавану повидать.

– Да?!

– Ага. Ты так много о ней рассказывала, что я словно сам здесь был.

– Слушай, ты не разочаруешься! Тут сохранились действующие паровозы...

– Ого! – восхитился я. – Что, прямо так и ездят по Кубе взад-вперед?

– Нет, по Кубе не ездят... Хотя я не знаю, может, и ездят... Слушай, я тебе рассказывала, как была в Алапаевске? Там чудесная узкоколейка...

Про Алапаевск и узкоколейку она мне рассказывала. К двенадцати годам родители рассказывают своим детям все, что они могли бы им безнаказанно рассказать, отчего спираль передачи жизненного опыта запускается на второй виток, а потом и на третий сразу. К шестнадцати годам ты уже по три раза выслушал про Алапаевск, про дизель-электровоз, про дрезину, про конец прекрасной эпохи, про Джексонвилл же бесчисленно.

– ...а одна заведующая отделом...

А одна заведующая отделом фондохранилища с детства хотела сидеть в тамбуре вагона и свешивать ноги в одуванчиковый ветер, вот она села и выставила, сняв босоножки, и через полкилометра ей эти ноги снесло семафором, по самые подколенки отчекрыжило. А босоножки остались, и вот сидит она с босоножками в руках, улыбается, улыбается... Да нет, не снесло, вывалилась она – вот и все, скатилась по склону, ушиблась, и то несильно.

– Вот такие дела, – сказала мама.

Показался отец.

Он держал в руках пакет с колбасой.

– Твой папочка все никак не наинфантилится, – усмехнулась мама, кивнув на пакет. – Возраст такой, видимо. Скоро побежит покупать красный «Мерседес»...

– Лучше красный «Мерседес», чем зеленый «Кавасаки», – сказал я.

Иногда я могу и афоризмами.

– И то верно, – зевнула мама. – Целее будет.

– Семья! – отец обнял нас с мамой, на меня пакет с колбасой положил, на плечо. – Семья, вы мелкобуржуазны! Ну, мелкобуржуазность старшего поколения... – отец кивнул на маму, – ...объяснима. Оне имели трудное детство и призванием филолог, а там куда ни плюнь, то Жан-Жак, то Жан-Поль, а то и вовсе Кастанеда какая. Поневоле в макраме ударишься. А вы, молодой человек, от чего плесневееете?

– В его возрасте независимые юноши много обдумывают житие и от этого делаются сильные резонеры, – сказала мама. – Все окружающие люди, независимо от возраста, кажутся им малолетними прыщавыми... скажем так, недоумками.

Я немного покраснел. Почему сразу прыщавыми? И... Если уж говорить о думании. Человек молодой слишком много думает, но это неслучайно, это так эволюцией предусмотрено – бегать, пока ноги гнутся, думать, пока гнется мозг. Работай на зачетку, потом расслабишься. Точно так. Вот я смотрю на своих родителей – они сейчас почти не думают, они все придумали до своих двадцати лет, на все вопросы у них давно припасены ответы, все просчитано и разложено на надлежащих чердачных полочках, их остроумие, эрудиция и парадоксальный интеллект – это не плод могучего разума, это отточенная ментальная логистика.

Во как.

– Тогда понятно, – отец похлопал меня пакетом с колбасой. – Тогда так держать. Может, тебе, сынище, татуху набить?

– Отец, – строго сказала мама. – Не искушай малых сих.

– А что? Давай, сынище? Я «Кавасаки» в салоне выберу, а ты через дорогу на плечо набьешь... Даже не знаю, что вы там набиваете?

– Не хочу я никакой татуировки, – сказал я. – И я совсем не считаю окружающих...

– А ты, отец, – перебила меня мама, – подаешь ему странные примеры.

– Да брось, – отец усмехнулся. – Мы ведь на краю! На самом краю Ойкумены, а на всяком приличном краю белому джентльмену к лицу заниматься глупостями и немного шалить. И хватит рассуждать, семья, вечер ждет!

Отец подхватил нас под руки и потащил к выходу. Я хотел сказать, что не стоит спешить, надо постепенно...

Но постепенно не получилось, мы спустились по ступеням и еще на крыльце встретили гаванскую ночь.

Я почувствовал запах города.

Обычно города не пахнут, вернее, пахнут одинаково, но тускло, мертво, в бензиновых оттенках. И здесь был бензин, но не на поверхности, ниже, прохладнее. А поверху Гавана пахла мылом и стиральным порошком. Перегретым железом. Масляной гарью. Свисшими водорослями, бельем. Кошачьими подъездами. Чердачной рухлядью, отсыревшей за долгую зиму. Распухшей от дождя бумагой. Я ждал сигар, кофе, фруктов – тут же фрукты, и рома – тут же родина рома, но Гавана была другой.

– Старый город! – отец втянул воздух. – А?

– Да, – сказал я. – А.

– За двадцать лет ничего не изменилось, – сказала мама. – Все так же воняет.

Отец поспешил возразить, но мама остановила.

– Знаю-знаю, – сказала она. – Через день я привыкну и не буду ощущать. Но тем не менее... – Мама понюхала воздух. – Повеяло молодостью, – поморщилась она. – Проще говоря, смердит. Как бы ты это ни переименовывал.

– Ах, – отец сентиментально вздохнул и согласился. – Смердит. А где не смердит?

– В большинстве мест, – возразила мама. – Впрочем, я не собираюсь с тобой спорить...

– Воняет? – отец вопросительно поглядел на меня.

– Вопрос не по адресу, – опередила ответ мама. – В его годы человек не может точно разделять. Для меня, отец, стакан наполовину полон, для тебя наполовину пуст, а для него... – Мама указала на меня пальцем. – Для него стакан всего лишь стакан. Переходный возраст, он сам не знает, что ему надо.

Обострение кухонной философии. И никакого переходного возраста у меня нет, он миновал давно.

– Я себя помню в этом возрасте, – продолжала мама. – Это же ужас. Мне вдруг резко разонравилась беллетристика, я переключилась на экзистенциализм и литературу духовного поиска...

Мы стояли на ступенях гостиничного крыльца, и все, кто выходил, и все, кто входил, вынуждены были нас вежливо огиать, но мама этого не замечала, увлекшись.

– ...ошибочно и еще раз ошибочно! Душа выгорает с четырнадцати до восемнадцати! Дальше, как ни крути, начинается доживание. Да, оно может быть долгое и счастливое, но, в сущности, это угли. Наша задача...

Запечатлеть это выгорание с безоговорочной точностью дагерротипа, ибо каждая деталь может быть бесценна для наступающих поколений. Это я сто пятьдесят раз слышал, это из будущей маминой книги «Попутный пес», там примерно про то, что наша литература во многом выросла не из шинели Акакия Акакиевича, а выстрелилась из рогатки Мишлена Квакина.

– ...с точностью фотоснимка, в каждой детали, в каждом мельчайшем движении...

– Получается, что вся твоя литература – это разговор с мертвецами, – перебил я маму.

– Что?

– Ты же сама говоришь – после восемнадцати лет доживание...

– Отец!

Отец послушно щелкнул меня по затылку.

– А что ты хочешь, мать? – спросил он. – Сама виновата. Нечего было его развивать с подгузников. Если мозг растет слишком быстро, на его поверхности образуются растяжки. Как на бицепсах. Эти растяжки проявляются в тотальном нигилизме, завышенной самооценке и

ненужной конфликтности. Как там у классиков... «интеллектуальное развитие в этом возрасте порой опережает развитие духовное».

Отец постучал меня кулаком в плечо.

– Ну, знаешь...

– Это все от белковой пищи, – сказал отец. – Жрать стали лучше, вот поэтому и умные такие. А духовность не прокачана. Качай духовность, сынище. Вот я недавно читал про Нестора Махно...

– Может, мы выйдем все-таки? – спросил я.

Отец рассмеялся.

– Никакие мозговые растяжки тут ни при чем, обычный молодой хам, – закончила мама. – Они все сейчас...

– Что будет с нашей страной? – спросил отец.

Теперь я рассмеялся.

– Идиот, сын идиота, – сказала мама.

Мама повертела пальцем у виска, и мы все-таки выбрались на воздух.

«Кастилья» действительно находилась в самом центре Гаваны, если в одну сторону три минуты до Капитолия, в другую – полторы до Музея Революции, а через дорогу – Музей современного искусства, я сверился с картой, все так. Хорошее место. Сама гостиница квадратной архитектуры, похожа на крепость, много пятиэтажных корпусов, а сбоку десятиэтажный донжон приставлен, наверное, поэтому и «Кастилья». В розовый цвет почему-то покрашена.

У обочины выстроились желтые такси и черно-белые таксисты, справа и слева от входа вдоль стены стояли люди с мобильными телефонами и терпеливыми лицами. Много людей. Чуть подальше, рядом со входом в аптеку, стояла женщина лет тридцати, в белом длинном платье, с корзиной, заполненной бумажными трубочками, похожими на худые новогодние конфеты. Женщина улыбалась, телефона у нее не было.

– Что они делают? – Мама указала на терпеливых.

А я понял что. Ловцы вай-фая это. Бесплатного небесного электричества.

Отец не услышал и потащил нас куда-то вбок, направо, мимо таксистов и мимо ловцов.

Я думал, что в такое время на улицах никого не будет, но оказалось, что, наоборот, народу было полным-полно. И все разные, и щенковатые, и как я, и среднего возраста, и старперцев немало, им давно спать пора, а они ходят-бродят о чем-то, бегут покоя. Как на вокзале, только ехать никуда не надо, все на месте.

– Мы куда идем-то? – поинтересовалась мама. – Если ты в сторону порта хочешь, то сегодня я против. Это далеко.

– Там чудесные рестораны теперь, – сказал отец. – Прямо на пирсах. Но да, далеко, хотя и красиво. Походим вокруг, тут и вокруг много всего интересного. Вперед.

И мы свернули куда-то. Отец тут же оторвался от нас, шагал впереди, это у него любимая повадка, отрываться. Он большой умелец ходить сквозь толпу, особенно в компании. Компания мгновенно теряется во встречных, отец же рассекает их, как афалина косяк ставриды, его спутники отстают, злятся, смотрят поверх голов, запинаясь и злясь еще больше. Это профдеформация: отец – журналист и привык будоражить всех и подчеркивать ото всех свою независимость, мама и я не исключение.

Старый город. Гавана.

Не знаю, что отец тут находил особо интересного. Мы шагали по узким улицам, на которых не разъехалась бы и пара машин. Под ногами неудобная брусчатка, неровная, бугристо-скользящая, шагать не получалось, кроссовки то и дело цеплялись за выбоины, как по рассыпанным теннисным мячам передвигались. Мама периодически хватала меня за руку, пугаясь велорикш, вынырывающих из темноты, ведь свет на улице горел экономный и хилый.

Прямо на улицы смотрели фасады домов, причем ни крылец, ни ступеней не полагалось – двери вели прямо в жилища или в большие прихожие, от которых расходились лестницы к квартирам. Местные сидели на приступках у дверей, на порогах или просто у стен, на подоконниках окон погружавшихся в мостовую домов, ничего не делали, курили, смотрели, улыбались. Иногда прямо в дверях были устроены лавочки с сильно самодельными сувенирами, несмотря на позднее время торговля продолжалась, я поглядел – сувениры все оказались на редкость дрянными, деревянные бусы, глиняные звезды, расписанные камни. У нас такого полно можно найти в любом Волгопужске – спускается живописец к реке, ищет валуны покруглее, разрисовывает котиками, продает на базаре, от Кубы ждешь другого, но тут, кажется, Волгопужск. И велосипедных рикш множество, так туда-сюда и шныряют. Я бы лично запряг какого велосипедного человека, пусть бы за десятку он нас тут везде покатал, чтобы ноги не ломать. Но заикаться про это не стоило – мама категорически воспротивится подобным колониальным забавам. И отцу нельзя, он тут журналист, ему на местных гонять некрасиво, ну, если где на окраине разве и недолго, в центре, хоть ушибись, никак.

Иногда отец возникал справа и советовал нам посмотреть на мемориальную доску, вот в этом доме отдыхал Виктор Гюго, он там пил кофе, ждал корабля и приветствовал национально-освободительную борьбу, а теперь там музей, смотрите, какие ворота!

А иногда он возникал слева и предлагал проследовать до площади Плас Кафедраль, она, во-первых, квадратная, а во-вторых, умеет удивительно исчезать в сумерках, мы следовали – и это оказывалось правдой. Площадь была совершенно квадратной и действительно чудесным образом исчезала, и собор с двумя колокольнями, и галереи по сторонам, и дерево с пышной кроной растворялись в темноте, спустившейся ниже крыш. На колоннах галерей светились желтые шары, от этого ночь делалась черней и ближе, у нас нигде такого не встретишь.

А еще иногда отец дожидался нас, останавливался среди людей, и мы сами его догоняли, а он подмигивал и сворачивал в проулок. Мы пробирались через следующую улицу, толкаясь со встречными и попутными, и оказывались на очередной площади, и там тоже имелся собор, или дворец, или и то и другое, я удивлялся – сколько в Гаване площадей и соборов.

Отец сообщал нам названия всей этой архитектуры и успевал рассказать, когда это было построено. А мама напоминала, что лично она все это знает и помнит, а сыну, то есть мне, на все наплевать. На самом деле мне действительно безразлично, отец это знает, но все равно рассказывает. А потом удивляются, почему у меня в мозгу нигилистические растяжки. Поколение, однако. Вон у Великановой в мозгу нигилистические рубцы, ее по мозгу будто нигилистической лопатой лупили... нет, там сошел с мещанских рельс нигилистический экспресс.

Про нигилистический экспресс мне понравилось, некоторое время я представлял, как он терпит крушение в великановской голове, и это немного отвлекло меня от Гаваны. А потом Гавана опять начала сыпаться мне в мозг со всех сторон, и это продолжалось еще часа два.

Потом я устал. Я полагал, что сыновний долг перед соскучившимся отцом выполнен и пора бы нам вернуться в гостиницу. Но отец никак не мог остановиться, шагал и шагал, шагал и шагал. Людей на улицах стало поменьше, и все они теперь кучковались вокруг забегаловок, музыканты, прежде рассредоточенные по улицам, подтягивались к свету, у меня развязались шнурки. Я устроился на скамейке возле небольшого кафе с саксофоном на вывеске, стал завязывать шнурки и уснул, ненадолго, проснулся почти сразу.

Передо мной стоял веселый мужик, похожий на того сикха в самолете, но не сикх. Он смеялся и что-то мне предлагал, а у меня вдруг теперь левое ухо заложило, и я не очень точно все расслышал. Подбежал отец и что-то ответил веселому, веселый отвалил.

– Что ему надо было? – спросил я.

– Он предложил тебе такси, сигары и...

Отец смутился, оглянувшись на маму.

– Да уж понятно, что он предложил, – сказала она. – Слово «чика» на многих языках означает примерно одно и то же.

– То есть? – я сделал вид, что не понял.

– Не прикидывайся плинтусом, – мама поморщилась. – Ты прекрасно понял, что предлагал этот негодяй.

Я зажал пальцами нос, дунул, ухо отложилось.

– Здесь на многие вещи смотрят шире, – заметил отец.

– На мерзость нельзя смотреть шире, – сказала мама. – Это недопустимо. А ты, я погляжу, тут расслабился?!

Мама устала свирепо на отца.

– Да при чем тут я? Я тебе в общем говорю, как антрополог антропологу...

Они стали разбираться в вопросе влияния тропиков на нравственное здоровье общества, но продлилось это немного – минуту, может. Мы пошли дальше.

– Все, как раньше, – кивала мама, глядя по сторонам и предупредительно придерживая меня за локоть. – Все, как раньше. Пожалуй... велосипедистов этих не было. И народу побольше. И забегаловок побольше. И двадцать лет назад в майках никто не ходил. И...

Мама обнаруживала и другие различия с тем, «как раньше», я раньше не был, я не обнаруживал. Историческая Гавана оказалась тесным городом, наверное, раньше, когда люди были средним ростом метр шестьдесят, он казался вольным и раскинутым на широкой прибрежной ладони, но за века акселерации ладонь эта плотно собралась в кулак. Кстати, мутных личностей с располагающими улыбками на улицах стало больше, и улыбались они сердечно и издалека, однако мама в ответ конструировала настолько неприступные лица, что эти веселые парни отступали без боя.

Отец хихикал и рассказывал про разные необычные вещи: про старинные пушки, вбитые в мостовую, про дерево, проросшее сквозь старый дом, через крышу, окна, двери и балконы, так что непонятно было – это дом вокруг дерева или дерево в доме, про Че-Рыбака – вроде где-то здесь, в старом городе, есть граффити с Че, но не обычный устремленный лик в берете, а Че, сидящий на берегу с удочкой, – если тебе встретится такой, то это к удаче. Я не поверил, но все равно стал поглядывать, искать Че с удочкой на стенах.

Не нашел, конечно, нашел несколько крюков в стенах – отец тут же сообщил, что к этим крюкам раньше приковывали неблагодарных рабов, а еще нашел батарею, выведенную зачем-то на внешнюю стену, батарея, кстати, привела в замешательство и отца.

А возле одного из домов подоконник, находившийся вровень с мостовой, был утыкан ржавыми железными штырями – чтоб всякие посторонние, значит, не присаживались без разрешения.

– Удушливое дыхание капитализма, – пояснил отец. – Нечего всяким протирать своими нищесловесными штанами частную собственность. Но, кстати да, такого я не замечал раньше.

Отец и мама устали на штыри. А я вот вполне понимал этого штыриста – если тут штыри не вставить, то на подоконнике толпами сидеть начнут все, кому не лень. И как ты ни посмотришь в окно – утром, вечером или в середине дня, картина предстанет всегда одинаковая, печальная.

Мама штыри сфотографировала.

– Ладно, – сказал отец. – Надо немного и отдохнуть...

Мы стояли недалеко от ресторанчика, хотя тут, похоже, везде недалеко от ресторанчика. Отец огляделся, прошел по улице метров пятьдесят и свернул в переулок. Или в проулок, пустоту между двумя домами, похоже, что раньше тут находился дом, но потом его подцепили лопаткой и вытащили из общего каравая. И между двумя параллельными улицами образовался перпендикулярный проход.

– По-китайски такое называется «хутун», – пояснила мама.

Пекинская книжная ярмарка, однако.

– А по-сербски? – спросил я.

– По-сербски... не знаю. Рупица какая-нибудь.

Мы с мамой остались на улице. Отец углубился в хутун.

– Ну, не бред ли? – хмыкнула мама. – А? Кормить кошек сейчас, а?

– Да нормально, – успокоил я. – Вон, у Великановой отец замки коллекционирует.

– И что?

– Так он их не в магазине же покупает, он их крадет. Идет на мост – знаешь, там новобрачные замки цепляют, вскрывает потихонечку и дома на цепь вешает. Всю стену завешал, били его два раза за это, в отделение сдавали, а он только сильнее от этого приохотился.

Отец тем временем подманил пару кошек и с умилением наблюдал, как они поедают колбасу.

– Мне кажется, Великанова в отца, – заметила мама. – У нас дома все время ножницы пропадают.

– При чем здесь ножницы?

– При том. Ее папаша замки ворует, а она сама ножницы. Яблочко от яблочка недалеко катится.

Кошек прибавилось. И стало штук десять, повылазили, так что отец стал потихоньку отступать к нам, с видом сеятеля разбрасывая перед собой колбасные полоски. Несколько человек, проходящих мимо, остановились, поглядели на отца то ли с сочувствием, то ли с интересом, проходящая девушка достала телефон и стала снимать.

– Надеюсь, в Интернете его не опознают, – сказала мама.

– А чего такого?

– Ну, все-таки не пацан...

– Наоборот, – сказал я. – Это способствует карьере, сейчас кошки в тренде.

– Да?

– Да. Все понемногу подкармливают... Я в Москве много раз видел...

На противоположной стороне проулка показался человек. Высокий и длиннорукий, похожий на ожившую стремянку. Отец вроде как насторожился и долго смотрел на этого человека, а тот, кажется, смотрел на него.

– Ладно, – сказал вдруг отец. – Погуляли, пора и домой.

А вот и нуар пожаловал – в первый же вечер нашего визита в Гавану показался он, загадочный человек-лестница.

– А там человек был... – Его и мама заметила.

– Да мало ли тут народу ошивается?

Отец вытряхнул остатки колбасы и выкинул пакет, улыбнулся и пошагал прочь, я оглянулся и заметил, как кошки побежали навстречу незнакомцу. Мама издала сомневающийся звук.

– Можно было в первый же вечер и не тащить нас в этот кошачий дрейф, – буркнула она и передразнила: – «Гавану нужно получать, как пулю в лоб»... А всего-то и хотел покормить своих котиков...

– У каждого свои слабости, – ответил отец, не оборачиваясь.

До гостиницы мы добрались неожиданно быстро. Я опасался, что снова будем вилить, брести и любоваться, но, откормив кошек, отец пошагал скоро и целеустремленно, так что через десять минут мы оказались у парадного подъезда «Кастильи».

Таксистов стало меньше, а людей с телефонами больше.

– Так что же они тут делают? – снова спросила мама.

– Интернет ловят, – ответил я. – Его нет, но они его ловят.

– Ловцы, однако...

– Иногда я думаю, что это своеобразный каргокульт, – заметил отец.

– Интересное замечание, – рассмеялась мама. – Весьма...

Она оглянулась и сфотографировала стоящих у стены.

– Интернета нет, небожители унеслись на серебряных птицах в блистающий Валинор, но культисты продолжают ежедневно стоять с поднятой рукой, – сформулировала мама. – Рано или поздно боги кибернетики увидят и оценят эту преданность и прольют на них щедрый и безлимитный вай-фай. Главное – верить. И держать руку как можно выше, кто выше – тот обиженным не уйдет во первую голову.

А я подумал, что эти ждецы у стены правую дельту хорошо прокачают, постой-ка так с поднятой рукой в потолок, дельта за десять минут забивается в молоко.

– Культисты такие культисты, – сказал отец.

Но там не одни культисты были, возле дерева все еще стояла женщина с корзинкой и бумажными трубочками. Она улыбалась толстыми губами и щурилась, отчего на лбу у нее складывались живые морщины, такие глубокие, что спички можно вставить.

Женщина с бумажными трубочками улыбнулась.

– Да, культисты, – повторил отец. – Весь мир для них – рука, воздетая к небу в ожидании заветной искры...

И этого понесло. Гавана, как пуля, чего уж.

Отец замолчал, а я сразу увидел, как в голове у него вспышкой промелькнула Сикстинская капелла и как ему это понравилось, но, разумеется, отец удержался и промолчал.

Мама тоже поняла.

– Ктулху фхтагн, – мама почесала за ухом.

Она не любила, чтобы кто-то вокруг был метафоричнее ее, пусть и в мыслях.

– Фхтагн-фхтагн, – зевнул отец. – О чем я и говорю.

С мамой он дискутирует исключительно в отпуске, а сейчас он не в отпуске.

– Касса близко, – сказал отец.

Отец не хотел сдаваться.

– Ты полагаешь? – нахмурилась мама.

– А то!

И оба счастливо рассмеялись таким особым смехом, вроде как между собой, будто я не понимаю.

Глава 3

Обеда мимо

Машина оказалась синим BMW. Не просто синим, а как-то слепяще-синим, яркой кляксой, она сияла в конце стоянки, наверное, ее можно было найти с закрытыми глазами, по синеве. Осколок самого высокого льда, чудом забытый на жаркой пыльной улице, от одного его вида делалось прохладно, хотя вокруг было под сорок. Я увидел его и понял, почему на Кубе так много синей краски, так прохладнее.

– Забавненько, – мама улыбнулась на машину.

Действительно, забавно. Дома отец предпочитает внедорожники, а этот BMW... Круглая такая тачка, струящаяся. На фоне такси она выглядела футуристично, сбежала из завтрашнего дня.

– Красиво жить не запретишь, – сказала мама. – Теперь будем полчаса ждать, пока эта банка не остудится.

Мама запустила с брелока двигатель. BMW зашелестел.

Недалеко от машины стояла вчерашняя женщина с корзиной и с бумажными трубочками.

– Разве сигары так можно продавать? – спросил я. – Не нагловатое?

– Это не сигары, – ответила мама. – Это орехи. Арахис, жаренный с сахаром и солью. Местные любят. Хочешь попробовать?

Завтрак мы, конечно, проспали, но, несмотря на это, аппетита я не испытывал, думаю, от жары. Орехи в жару не лучший выбор.

– Мороженого бы.

– Мороженое на Прадо, – указала мама. – Кстати, тут оно вполне себе. Разумеется, самое вкусное в Аламаре. Но у нас сегодня другие планы...

Мама заглянула в салон машины, там было еще горячо.

Ореховая женщина направилась к нам. С утра вдоль стены никого, кроме таксистов, не загорало, интернет-культисты то ли спали еще, то ли в школе учились, ореховая женщина приблизилась и с улыбкой протянула белые трубочки. Видно, что она знает – мы у ней орехов не купим, но все равно улыбалась. Без обиды, приветливо, я ей тоже так улыбнулся и подумал, что в следующий раз обязательно куплю этих орехов, хотя арахис я не люблю. Но куплю и съем, и газырь, свернутый из тетрадного листа в клеточку, обязательно брошу под ноги, как все тут делают, традиция такая, что ли.

Ореховая женщина подмигнула, поставила корзину на плечо и направилась в сторону Капитолия.

– Ладно, поехали, – мама забралась в машину. – А то тут сейчас со всей округи сбегутся продавцы...

В машине было жарко, хотя обдув работал на полную, но толку от него немного получалось, воздух качал, да пару вареных мух. Из бардачка торчал русский журнал, читателю предлагалось оценить десять лучших животных-предсказателей. Я заинтересовался и узнал, что десятое место занимает саламандра Сандра, предсказавшая победителя на чемпионате мира, а на девятом опоссум Станислав, угадавший колебания курса доллара.

Мы поехали. Осторожно так, не как обычно, километров сорок максимум, без ускорений и перестроений. Сначала на бульвар Прадо, потом вниз, потом по Малекону. Мама вела пенсионерски, нас то и дело обгоняли веселые местные на мотоциклах, руками махали.

На набережной мне понравилось. Море интересное, я раньше такого не встречал. А здесь вдруг понял, почему людям раньше казалось, что у Земли есть край. Я сейчас его видел – вода

не продолжалась дальше за воображаемой линией, а обрывалась вниз. Очень правдоподобно – если бы не знал наверняка, то легко поверил бы в трех слонов и черепаху.

– Сюр, да? – Это в сторону моря. – Я заметила еще в первый раз. А они тут все время живут...

Это, пожалуй, нелегко. Жить на краю света. Остается плясать и веселиться.

– У меня сегодня с коллегой встреча, – сказала мама. – С Лусией, помнишь, она к нам заходила?

– Переводчица?

– Да, переводчица. Менеджер, организатор мероприятий, ну и вообще интересная тетенька.

Мама просигналила мотоциклисту.

– Ее семья еще из колониальной испанской знати, представляешь? Она сама графиня, если по-старому. Им тут раньше пол-побережья принадлежало, торговали сахаром и кофе, свой флот имели. Одним словом, настоящая аристократия. Ну, ты сам увидишь.

Мама просигналила велосипедисту.

– Аристократы-аристократы, – повторила она. – Но при этом все как один упоротые коммунисты. Ее отец – один из создателей «Движения двадцать шестого июля», представляешь?!

– Здорово.

– Да, здорово, – негромко сказала мама. – Я вот думаю, отчего так? Что им не сидится, графьям всем этим? Все им революцию подавай...

– Элита, что с них возьмешь, – ответил я. – А вот...

Я хотел спросить про книгу в самолете – кто там на самом деле в биоскоп-то иде? Но потом подумал, что так неинтересно. Лучше самому придумывать. Собака. Собака могла вполне прогуляться в биоскоп. Макака. Ромашка. Мешалка. Но мама перебила:

– Знаешь, из всей этой компании один Сьенфуэгос был из рабоче-крестьян, а остальные все адвокаты да инженеры, как всегда. Между прочим, именно Сьенфуэгос...

В следующие полторы минуты я очень много узнал про Камилло Сьенфуэгоса – веселый был человек. Что всем известен кадр кинохроники, где повстанец под обстрелом кидает во врагов коктейль Молотова – так вот, это именно Сьенфуэгос его и кидает. И народ его очень любил. И что очень жалел о его гибели в авиакатастрофе, слагал песни, поэмы, называл его именем улицы и мосты.

– Собираешься книжку про Кубу написать? – поинтересовался я. – А как же «Попутный пес»?

– Что? Какой еще пес?

– Да не, ничего. Я думал, ты книгу сочиняешь...

– Я не собираюсь книгу писать, – ответила мама строго, – а вот о диссертации подумываю. Я же кандидатскую по Латинской Америке защищала, теперь думаю специализироваться. Понимаешь, мне как филологу чрезвычайно интересно сравнить литературу непосредственно кубинскую и литературу, порожденную Кубой. Полагаю, это одна из последних возможностей...

– Про Кубу пишут книги?

Мы обогнали похожий на расплюснутую лягушку лоурайдер апельсинового цвета, в машине сидели две толстых белых тетки в тельняшках.

– Еще как. Пишут. Правда...

Мама притормозила. Воздух в машине приятно колыхнулся. Уже оранжевый лоурайдер обошел нас справа, муха ушиблась о лобовое стекло. Муха могла в биоскоп. Муха по-сербски... Муска, наверное.

– Правда, тематика несколько ограничена, – сказала мама. – Одни пишут про любовь под развесистой гуавой, другие про «до чего довели страну эти проклятые комуняки». Первые –

те, кто сюда приехал, вторые – кому удалось сбежать. И над теми и другими распростер свои крылья магический соцреализм.

Понятно, подумал я. Великанова любит такие книжки, отец – садист, районный алькальд, торговец черным деревом и душитель свободы, мать по вечерам пляшет сальсу на авениде и торгует пластиковыми бубнами, вчера дед поймал престарелую русалку, посадил на цепь и заставил крутить сигары. Песнь козла, и нет ей предела.

– Понимаешь, это все безумно интересно, если сравнивать, допустим...

Муха потеряла сознание и скатилась по внутренней глади лобового стекла. Несчастны дети, выросшие в семье филолога, с юных лет их сознание изуродовано глубоким пониманием мировой и отечественной культуры и прочей духовностью. Куда бежать?

Кем я мог вырасти в такой ненормальной атмосфере? Мальчик из хорошей семьи, еще в младенчестве вписан был в Семеновский лейб-гвардии ЕИВ полк... то есть на скрипку меня отдали, на скрипку. Впрочем, сии муки разрешились для меня вполне благополучно, в первом классе я сломал мизинец на левой руке, счастливо развившаяся контрактура лишила меня блистательных перспектив. Бабушка не находила места от горя, отец, раз уж пошли переломы, предлагал бокс, мама не теряла надежд хотя бы на контрабас. Я выбрал бокс.

– Какой полк? – мама поглядела на меня.

– Что?

– Ты про какой-то полк говорил.

Ну вот. Теперь я думаю вслух. Приехали. То есть прилетели.

– Это адаптация, – пояснила мама и снизила скорость. – Смена часовых поясов, смена обстановки и все такое. У меня тоже...

Мама высунула язык, выпучила глаза и потрясла головой. Приветливый мотоциклист слева шарахнулся в сторону.

– У меня тоже, – мама потерла пальцем висок. – Мысли как взбесились. Это обычное дело при перелете между полушариями, кстати.

Похоже.

Мы стали ехать совсем медленно, километров тридцать, наверное.

– Ты знаешь, что лауреаты Нобелевской премии рекомендуют менять полушария примерно раз в три месяца – для ментального тонуса?

– Ну да, – я зевнул. – Это все знают.

– Да-да, надо менять. Я вот что думаю, мне кажется, в кубинской литературе отчетливо прочитываются тенденции, отмечавшиеся в нашей прозе начала девяностых...

Через дорогу дома, выставленные в ряд, двухэтажные особняки сомнительного вида, некоторые ввалились внутрь строя, как зубы матерого хоккеиста, вбитые шайбой.

– ...Многие в растерянности, многие дезориентированы, это сообщает тексту нерв и горечь...

С моря перебросило воду поперек дороги, мама включила дворники и продолжила лекцию про современную кубинскую литературу как жертву изоляционизма. Набережная была самой длинной набережной в мире, и мне пришлось смиренно выслушать про все эти ромовые страдания на фоне ужасов народной демократии, про «синдром сорняка», про что свобода зачастую губительна для творца...

Ну и так далее.

А набережная красивая, чего уж.

– Малекон – это общее место в кубинской литературе, как Монмартр в Париже, – сказала мама. – А Америка там, – мама кивнула за море. – По прямой, но все равно не видно.

– Это хорошо, – сказал я. – Если б еще и видно...

Нет там никакой Америки, подумал я. Обрыв там, и вода в бездну валится.

– Малекон как рыбий хребет, от которого расходятся ребра улиц, – сказала мама. – Все приморские города такие – набережная, и от нее тропы в глубь земли.

Из книги «Попутный пес».

– Вон смотри, там дом с гробиками. – Мама обогнала мотоциклиста на «Яве». – У архитектора умерла дочь, и он, когда проектировал здание, сделал балконы в виде гробов. Мрачно, да?

Вранье, дочь тут ни при чем. Это чтобы американцы глядели из-за пролива в свои телескопы и портили себе настроение, чтобы гуава в глотке в комки творижилась, чтобы неповадно и невпроворот. Но Великанова дом с гробиками оценила бы.

Мама достала из бардачка карту.

– Кажется, нам сюда, – мама развернула карту, сощурилась. – Это Ведадо, хороший район.

Ведадо был понаряднее старой Гаваны, дома поразноцветнее, мама повернула, машина покатила в гору. Я оглянулся. Море поменяло цвет, небо стало, как картонка, длинный коричневый сухогруз неосмотрительно приблизился к краю и ухнул в бездну. Бермудский треугольник, ничего не поделаешь.

– Тут перекусить есть где? – спросил я.

– Должно быть, да... Но мы приглашены на обед.

– К кому?

– К аристократам. Сможешь пообедать в компании графини, Великанова лопнет от зависти.

– Она сама дворянка, – сказал я.

– Между дворянкой и дворняжкой примерно такая же разница, как между каналом и канализацией, – сказала мама. – Скоро ты это поймешь.

Я хотел сказать, что вот неприлично ей, женщине все-таки в возрасте, выдавать сентенции, достойные старшекласниц. Но не стал, все равно переспорит.

Мы остановились напротив современного отеля квадратной архитектуры, на первом этаже выделялся ресторан, выше первого этажа ничего не выделялось. Мне стало скучно. Я кое-как привык к этой скуке, в каждом городе скучно, и ладно бы эта скука была оригинальной, но скука везде оказывалась одинаковой. Я подозревал, что это из-за возраста. Авторитеты в один голос утверждают, что от пятнадцати до двадцати скука – для многих совершенно ординарное состояние, но потом отпускает. Так что мне осталось не так уж много продержаться, я держусь и привык к скуке. Сейчас мы пойдем в ресторан, встретимся там с переводчицей Лусией, станем пить кофе и есть тирамису, а я стану думать – мне-то что? Но это первые пять минут, потом плевать станет. Со скукой можно бороться только равнодушием.

В ресторане, кроме Лусии, никого не оказалось, она сидела с краю, курила и смотрела на сцену. Мама при виде Лусии пришла в умиление, и Лусия пришла в умиление, они стали обниматься, а потом Лусия стала обнимать меня и говорить, что я вырос, а раньше вот такой был.

Лусии лет шестьдесят, наверное, но выглядит она моложе – невысокая, худая, почему-то я подумал, что она бывшая лучница. Или стрельбой занималась, острая реакция.

Мы устроились за столиком Лусии. Сцена в углу, невысокая, можно подняться в один шаг. Брякнула ударная тарелка, показались три девчонки с гитарами. Девушка в короткой бордовой куртке повесила на стойку для микрофона планшет с названием.

– «Cacitas», – прочитал я.

Девушки стали подключать инструменты к усилителям и настраивать гитары. Откуда-то нарисовались два толстых и плешивых мужика в рубашках, развалясь, уселись перед сценой, тот, что толще, махнул газетой.

«Cacitas» заиграли.

Видимо, какую-то народную песню – шуструю, веселую, там, могу поспорить, в конце все поженились, а не бросились с моста. Та, что в бордовой куртке, пела.

Красиво так, тым-тым-тым.

– «Каньитас» – это на испанском значит «тростинки», – шепнула мама.

А я так и знал. Девицы на самом деле были очень тощанские, но не болезненно худые, а как-то эльфийски приятно, и, несмотря на Кубу, блондинки, ушей острых, пожалуй, не хватало. И хотя из зрителей были мы да два пузана с сигарами, старались девушки вовсю. Как для полного зала.

Особенно солистка, она стояла впереди, на вершине треугольника. Смотрела куда-то в потолок, между длинными люстрами гостиничного холла, не замечая ни нас, ни толстых мужиков в толстых очках, для себя пела, себе радовалась.

Мы слушали.

Я в Гаване полдня пробыл, но успел со здешней музыкой сильно ознакомиться уже в первый вечер, тут на каждом углу музыка, каждый второй Паганини – что хочешь на одной струне сыграет. Правда, музыка какая-то все половинная, не грустная и не веселая, надоевшая давным-давно не только своим исполнителям, но и, кажется, инструментам, на которых ее играют. Скрипку тошнит, гитары дрыхнут на ходу, барабаны давно оглохли сами от себя, маракасы перешептываются дохлой саранчой. А эти «Cacitas» играли по-другому, живо так, у них получались не выдохшиеся звуки, а вполне себе музыка. И песня, как ветерок, про что я не очень понял, но как-то сразу захотелось напеть.

– Хорошо поет, – улыбнулась мама. – Здорово поет!

– Это Анна, моя внучка, – сообщила Лусия. – В красной куртке.

– Красавица какая, – сказала мама. – Красавица, да... На тебя похожа.

И мне подмигнула. А я и так оценил. Красавица. И поет, да, здорово. Анна. Ладно, сдаюсь. Аристократия. Да, наверное, в этом что-то есть. Столетия селекции дали положительный результат, эта Анна была... Ну, в нашем лице рядом никто не стоял и близко.

– Она в школе при русском посольстве учится, – сообщила Лусия. – Хочет быть переводчиком. Вот это их коллектив.

Славный коллектив. С самодеятельностью на Кубе все в порядке, похоже.

Песня закончилась, пузаны тут же лениво удалились, девушки переглянулись. Анна пожала плечами. Я подумал, что у них тут ничего не срослось, наверное, они участвовали в отборе на конкурс «Поющие Карибы», но не прошли.

Лусия поморщилась.

– Что-то не так? – спросила мама.

– Все в порядке, – улыбнулась Лусия.

Девуцы между тем упаковывали инструменты, Анна спрянула гитару в чехол и закинула за спину. Гитара была самой Анны гораздо внушительней, Анна шагнула со сцены, качнулась, гитара потянула ее назад. Я сорвался из-за столика, подскочил, поймал Анну за руку.

Анна ответила на испанском, скорее всего, поблагодарила.

– На здоровье, – сказал я.

Анна не удивилась.

– Спасибо, – сказала она по-русски.

– Хорошо играете, – сказал я.

– Спасибо, – снова сказала Анна.

Рука у нее была удивительно тонкой и хрупкой, так что я с испугу ее выпустил, гитара снова потянула Анну, тогда я перехватил ее за запястье. Другие две девушки захихикали. Интересно, они тоже аристократки?

Анна поглядела на подружек, девушки захихикали сильнее. Я убедился, что Анна держится крепко, отпустил ее.

– Спасибо, – сказала она снова.

Очень удобно, подумал я. Я сам немного английский знаю, этого обычно хватает, наверное, и здесь хватило бы, но повезло, Анна, кажется, по-русски вполне себе.

– Я играл немного, – сказал я. – На гитаре.

Лусия и мама обменивались бумагами, делали на них пометки, спорили.

Анна перевела, девушки снова похихикали и что-то Анне сказали.

– Пойдем кофе пить, – перевела Анна.

Мама с Лусией ничего вокруг не видели, погрузились в свои литературные битвы. А я с тростинками отправился в кафе – оказалось, тут еще кафе рядом есть. Определились у окна. Девушки попросили принести кофе. Я спохватился. Местных денег у меня не оказалось, пришлось бежать на ресепшн отеля и менять полтинник. Вернулся, заказал пирожных. Принесли неожиданно много и разных, широкое щедрое блюдо. Девицы все хихикали, поглядывали то на меня, то на Анну, потом увлеклись пирожными.

– Хорошая музыка, – сказал я.

– Тебе понравилось? – спросила Анна.

– Да, – кивнул я.

На самом деле ведь понравилось.

– Это народная песня? – поинтересовался я.

– Нет, это мы сочинили.

Анна перевела своим коллегам.

– А стихи кто пишет?

– Я, – ответила Анна.

Она взялась за кофе и пирожные. Ну и я. Она еще и стихи пишет. Наверное, все-таки в плюс. Мне везет на поэтесс, трех штук знал, не считая Великановой. Но чтобы еще петь...

Прилетел в Гавану, на второй день познакомился с графиней, поэтессой, красавицей. Так всегда и случается, не с уродливой неграмотной кухаркой же знакомиться? Тогда и в Гавану нечего ехать, можно дома сидеть.

Кофе я выпил, о чем сказать, не придумал. Девчонки доели пирожные и убежали, Анна осталась.

– А про что песня? – поинтересовался я.

– Веселая, – сказала Анна. – Про... тех, кто ездит на велосипедах.

– А.

Веселая песня про велосипедистов. Тема, однако. Вот уж не думал, что про это можно весело сочинить. Про велосипедистов. Неудивительно, что эти толстые мужики не интересовались репертуаром, они, наверное, про трагическую любовь хотели, какие, к черту, велосипедисты в наши-то дни.

– А у тебя много песен? – спросил я.

– Двадцать, – ответила Анна.

– А они про что?

Не знаю. Зачем меня мама с собой потащила? Нет, я понимаю – ей в одиночку за рулем в чужом месте некомфортно, но... Вот теперь сижу и вымучиваю беседу, стараюсь не выглядеть идиотом. Нет, идиотом я и так выгляжу, не хочется выглядеть круглым. Хотя мне должно быть безразлично, я эту Анну не увижу никогда, может.

– Про разное, – Анна пожала плечами. – Про птичку. Про единорога. Про то, как вдруг выпал снег. Про дорогу. А ты? Стихи пишешь?

Неожиданный вопрос. Меня еще никто не спрашивал про такое, у меня не очень поэтический вид. Может, я в душе поэт? Нераскрывшийся пока талант. Анна, как действующий поэт, это чувствует, вроде как рыбак рыбака. Вот проснусь ночью, схвачу ручку и накидаю семь страниц наискосок. В конце концов, у меня вполне себе литературная наследственность.

- Да так, иногда, – сказал я. – Если настроение есть. Особенно осенью.
- Почитаешь?
- Чего?
- Стихи.
- А, стихи...

Я подумал, нечитать ли что-нибудь из современных, у мамы на кухне всегда целый ящик для читья под кофе, и хорошие, между прочим, попадают. Вряд ли Анна в совершенстве знает молодых вологодских талантов. Но в последний момент передумал.

– Я не люблю вслух, у меня это... рассредоточенность. Не могу свои слова на слух воспринимать, кажется, что в другую сторону... Это из-за полушарий.

Пощупал себя за голову.

– Что?

– В голову часто били, – сказал я. – Вот левое на правое и насакивает. Дежавю, короче, случаются. Я потом читаю.

– Хорошо, – кивнула Анна.

И кивала она... Не, у нас так не умеют. У нас если где герцогини еще и не вывелись, то совсем испортились, так кивнуть не умеют, да и экстерьер...

Показались мама и Лусия.

– Познакомились? Отлично! Анна, ты прекрасно поешь! Молодчина! Я тоже хотела, чтобы Игорь музыкой занимался, но он лодырь, хотя у него неплохой слух.

Это мама.

– Анна, нам пора.

Это Лусия.

Анна поднялась из-за стола. И я поднялся. Анна улыбнулась.

– Вы куда, кстати, сейчас? – спросила мама.

– Нам в Мирамар, тут недалеко, минут двадцать, если...

– Мы вас подбросим, – перебила мама. – Мы сегодня весь день катаемся, мы вольнока-тающиеся, я тут ничего не узнаю...

– Перемен действительно много, – сказала Лусия.

– Так мы вас все-таки подбросим.

Лусия не стала излишне сопротивляться. Я взял у Анны гитару и донес до машины. Лусия и мама устроились спереди, а мы с Анной сзади, а гитара между нами.

В машине мы больше с Анной не разговаривали, смирно сидели, а я держал гитару за горло, пальцем застрял между струнами сквозь чехол. До Мирамара оказалось действительно недалеко, почти за углом, свернули, и город словно исчез, мне такое нравится, опрокинулся из вертикали в плоскость. А Мирамар оказался действительно аристократичным местечком, много света, зелени, сползающей с тротуаров на дорогу, мало машин, людей не видеть, особняки в два этажа, не выше. Едва оказались здесь, как мама снизила скорость километров до тридцати. Не из-за полиции или знаков, ясно было, что здесь быстро не ездят.

– Через два дома, – указала Лусия. – Возле дерева.

Мама остановилась напротив пальмы, или банана, не знаю, сочное такое дерево.

– Спасибо, – Лусия пожала маме руку. – Обязательно жду вас завтра в гости. Никаких отказов!

Анна мне опять улыбнулась, я ей тоже. Долго вытаскивали гитару, не давалась, собака.

Лусия и Анна вошли в зеленые ворота и направились в глубь сада, сквозь деревья которого проступал белый двухэтажный дом. Калитка затворилась.

– Нормальный домишко.

– Да, неплохой, – согласилась мама.

– А ты говорила, что мы на обед приглашены, – напомнил я. – Где обед?

– Сегодня возможности нет, – ответила мама. – Лусия мне объяснила, они какого-то инспектора ждут. Завтра обед, завтра... наверное.

Обеда мимо.

– Прилетели вчера, а обед завтра, – сказал я.

– С отцом пообедаем, он должен освободиться... через двадцать минут. Надо покороче отсюда выбираться...

– Хороший дом, – сказал я.

– Хороший дом... – мама достала из бардачка карту города. – Хороший дом, хороший дом, слушай, мне кажется, у отца кондиционер не работает...

Мама постучала кулаком по торпедо.

Поехали дальше. Хотя я, если честно, пешком прогулялся бы, по тому же Малекону. Но вместо этого мы по нему два раза проехали туда-сюда. Я не очень понял очарования именно проезда, но мама сказала, что я не романтик, Малекон – самая романтическая набережная во Вселенной, если не верю, могу заглянуть в путеводитель. Я предложил искать обеда. Мама сказала, что в следующий раз я должен с ней поехать в Белград, поучиться романтике у сербов, они в ней знают толк, там за один день ярмарки продается три тонны стихов.

Пообещал подумать.

Отец прохаживался напротив Капитолия с довольным видом, беззаботно засунув руки в карманы и через два на третий шаг поднимая сандалии для проветривания. Мама притормозила возле обочины.

– Тут не паркуются, – сказал он. – За углом лучше.

Припарковались за углом. Через пятьдесят метров подвернулась лавка широкого профиля, мама не удержалась, заглянула. Ну и я. Бедненько. Купили воды в синих бутылках и пачку кофе на пробу. Возле лавки стояла ореховая женщина, но не наша, а угрюмая.

– Хорош гринго прайс во весь рост, однако, – помотала головой мама. – Бутылка воды столярник...

– Белая миссус не должна гневаться, – сказал я. – Белая миссус может себе это позволить.

– Ты поменьше умничай, – посоветовала мама. – Распустился с бабушкой, как я погляжу... Или это твоя Великанша на тебя так влияет?

– Высмеивать чужие фамилии – некрасиво, – заметил я. – А с водой на острове вилы. Это и по телевизору утром говорили: вода – главный ресурс. Проклятые империалисты рассеивают над Мексиканским заливом дождевые облака, организовывая искусственные засухи.

Подбежал отец, посмотрел на небо.

– А все остальное выпивают в гостиницах туристы, – сказал я. – Местным ничего не остается, они соки из тростника в мясорубках выжимают. Один же турист тратит воды в сорок раз больше кубинца. А если пиндос, то и в шестьдесят.

Мама зыркнула на меня за «пиндоса», а ничего, это ей за Великаншу ответка.

– Гринго прайс – это политика государства, – пояснил отец. – Социализм живет на плакатах, а так все вполне по-росомашьи. Да плюнь ты, мать, не думай, нашла о чем.

Но мама, конечно, некоторое время думала. Она за такие вещи цепляется, как-то мы ездили на Онежское озеро и на какой-то незначительной станции железнодорожники полчаса меняли локомотив. И на этой станции было много старух, торговавших носками, варежками и собачьими поясами, и все у них эти носки и пояса покупали, и мама не удержалась и купила. А потом всю дорогу до самого Петрозаводска терзалась неправильностью своего поступка – старухи наверняка налоги не платят, и она, купив носки, таким образом поступила своими принципами и поддержала теневую экономику. Носки она потом дворнику подарила, таджикскому человеку.

Глава 4

Прогулка

Мама выполняла план.

Я проснулся в полшестого, хотя, наверное, поспал бы еще, однако рядом, справа или слева, непонятно, тоже проснулись. Кажется, японцы, муж и жена. С утра эти японцы громко обсуждали японские проблемы. Коррупцию, реваншизм, загрязнение окружающей среды, последний вопрос интересовал их особенно.

Мама постучала в восемь и пообещала, что сегодня мои ноги отвалятся и вечером я принесу их отдельно, так что лучше быть заранее готовым, захватить пакет и скотч по желанию. А я всегда заранее готов.

– Сегодня у нас ностальгический день, – сказала мама.

– Может, завтра?

– Нет, не завтра, сегодня. Завтра я могу передумать, а сегодня я категорически настроена. С таким настроением трудно спорить.

– Кстати, Лусия просила, чтобы мы прихватили Анну, – сказала мама.

– Зачем?

– Анна языками занимается. Русским, английским, ну и испанский родной. Раз в неделю Лусия говорит с Анной только по-русски, а в другой день по-английски. Для практики.

– И сегодня у них русский день, – заметил я.

– Ага. Все удачно очень, Анна нам весьма кстати придется, носитель языка в таких местах незаменим. Знаешь, в прошлый раз отец находил нам Серхио, проныра такой, так он мог и ром достать, и сигары с фабрики. Тут сигарная фабрика прямо в городе, все несут и продают.

– А где сейчас этот предприимчивый юноша? – спросил я.

– Посадили, наверное, – ответила мама. – На десятом этаже тут фантастический ресторан, пойдем.

Мы поднялись на десятый этаж и нашли этот ресторан.

– Когда снимают кино про Кубу, ресторан всегда выбирают этот, – сообщила мама. – Тут аутентично.

В это нетрудно было поверить.

Высокие, от пола до потолка, окна распахнуты наружу, все заполнено светом, простором и ветерком, гуляющим по сторонам, этот ветерок смешивал морской запах с запахом кофе. Потолок оказался выложен облупившейся мозаикой, столики из темного дерева ставили подножки кривыми лапами, скатерти белые и твердые.

Мама вдохнула, счастливо зажмурилась и направилась к столику у окна. А я к раздаче поплелся.

Еды оказалось немного: сыр, ветчина, яичница, лосось. Фрукты. Кофе. Но все равно это был лучший ресторан, в котором я когда-либо завтракал, обедал и ужинал, правда, фантастический.

Во-первых, вид.

Во-вторых, гуава.

Здание гостиницы возвышалось над городом и над океаном, и все было видно вокруг. Слева рядом сиял в утреннем солнце шлем Капитолия, а чуть правее виднелся высокий шпиль белой церкви, похожий на копье.

Прямо чернело море до горизонта и пара маленьких корабликов вдали боролась с невидимым обрывом мира, хотя, может, и не кораблики, может, чайки.

А справа в это море врезался мыс с маяком, и уже с утра раскаленная крепость по берегу, и ржавая баржа тащилась по заливу.

Я раз взглянул и понял, что хочу тут сидеть. Сидеть, смотреть. В море, в небо. Такое со мной впервые случилось, обычно я равнодушен к пейзажам, здесь по-другому. У меня возникло незнакомое взрослое чувство, я вдруг понял, что мне здесь нравится. Что я тут бы жил. Тысяча баксов в месяц на всю жизнь, так тут бы и просидел. С видом и гуавой на льде. Постыдные старческие мысли посетили меня на десятом этаже гостиницы «Кастилья», это все проклятое латиноамерикано, мезоамерикано, тут, похоже, все так живут, только без в месяц тысячи дохлых бобров. Странное дело, ведь всякий размашистый магический реализм я не люблю и не понимаю, а тут вот...

Я поглядел на маму.

Она нагрозила тарелку, расположилась за столом и теперь с удовольствием завтракала, поскрипывая ножиком по фарфору, и явно надеялась, что через следующие восемнадцать лет она сюда вернется.

Да, во-вторых, в этом ресторане подавалась гуава. То есть гуавный сок на замороженных серебряных подносах. Я никогда не пробовал, а как попробовал, так сразу налил четыре наглых стакана, целый бокастый графинчик опустошил. Ну и рыбы наложил еще.

Так и позавтракали – я смотрел в окно и пил гуаву, мама ела лосося и сыр, пила кофе и смотрела в окно. Я ей позавидовал, если честно. Обычно я родителям не завидую, у каждого свои тропы, но тут да. Не каждому так везет – вернуться на восемнадцать лет назад и припасть к горячо любимым руинам, и при этом надеяться, что впереди есть еще пара стадий, что забег вот-вот не закончится, успеешь оглянуться...

– Лицо попроще сделай, – посоветовала мне мама. – Не надо с утра таких лиц, я от них у себя на работе устала.

– Да я так...

– Надо исключить «Героя нашего времени» из школьной программы, – заметила мама через лосося. – Всякая недоросль считает себя стариком Печориным и ходит по утрам с пошлыми рожами. Не здесь, пожалуйста, сыночка. Повторюсь, юноши, чрезмерно раздумывающие житие, выглядят комично. Равно как и юноши, вовсе о нем не помышляющие. Не налегай на гуаву.

Мама улыбнулась. Пришли американцы. Красивая тетка в толстовке и мужик в морской фуражке. Я налег на лосося.

– Я все твои лица объясню в три прихлопа, – со знанием дела сообщила мама. – Это все от...

Я думал, она про гормоны скажет, но она сказала про когнитивный диссонанс.

После завтрака мы спустились вниз, в вестибюль. День действительно, похоже, предстоял мучительный. Отец забрал сияющий BMW и уехал по своим репортерским делам куда-то в провинцию, куда-то в Гуаймаро, освещать закладку котлована для завода удобрений. Так что разграбление Гаваны нам предстояло сугубо пешеходное. Мама направилась к ресепшену менять евро на куки, я огляделся.

На диванчике возле окна сидела Анна. Если честно, я думал, что она не придет – как-то вчера энтузиазма в ее глазах я не прочитал, но она пришла. Видимо, бабушка Лусия повлияла.

Анна выглядела ого, но не как вчера, слегка пообычнее. В белых кроссовках. Мне сначала немного стыдно стало, потому что сильно похоже, что Анну мне сосватали в бесприданницы, но потом плюнул. Это все родители так делают, вот к нам в прошлом году приезжали родственники из Архангельска, так на меня повесили совершенно дремучую девицу Алику, я ее три дня по Москве таскал, приобщал к духовным ценностям, гулял по Красной площади, по «Москве-Сити» и в Третьяковскую галерею гулял. Святой долг гостеприимства, ничего не поделаешь.

Да, Анне, наверное, не очень приятно, так мне это мимо, мне-то с Анной неплохо. Красавица, графиня, на полголовы меня выше, играет на гитаре, поет. А глаза... Жаль, говорит почти без акцента, с акцентом было бы интереснее. А так все, как мне нравится. Особенно титул. И глаза.

– Привет, – сказала она.

– Привет, – сказал я.

В титуле что-то есть. Титул девушку очень сильно украшает, понял я. А еще понял, что теперь это навсегда. Когда я буду встречать обычных разночинных девушек, пусть даже из хороших семей, пусть даже папа инженер, а мама учительница биологии, но не графинь, повседневного нашего сословия, то буду всегда отмечать в них этот существенный недостаток. Не графиня. Не баронесса. Увым, увым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.